

...Принесёт спокойствие и...

Ильбар Ахметшин

Пустота. Книга 1

«Автор»

2026

Ахметшин И.

Пустота. Книга 1 / И. Ахметшин — «Автор», 2026

Софи — джин из Корвита. Она не герой. Она просто очень одинокая девочка, которая слишком долго ждала друга. Одной ночью она загадывает желание, и в ответ из космической бездны приходит ОН. Чёрная сфера без формы, голоса и сердца. Его зовут Тот. Вместе они попадают в Корвит — столицу волшебного королевства, где кристаллы управляют реальностью, а за аномалии отправляют в архив. Тот питается чужими эмоциями, меняет цвет от настроения и умеет петь так, что камни трескаются. На помощь приходит Лэйт — девушка с фиолетовым локоном, коллекционер магических сбоев. Она не верит в чудеса. Она верит в данные. Но даже её приборы не могут объяснить, что такое Тот и почему он меняет мир вокруг себя. В книге вас ждут: лес, который убивает смехом; книга с вырванным пророчеством; магия через эмоции; и существо, которое учится дружить. «Пустота. Книга 1» — история о том, как пустота внутри находит форму снаружи. О том, что даже у бездны может быть сердце. Для тех, кто когда-нибудь ждал невозможного.

© Ахметшин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ильбар Ахметшин

Пустота. Книга 1

Пролог

Вселенная за окном была беззвучной пустотой, усыпанной холодными точками света. Они не согревали. Они лишь подчёркивали расстояние. Расстояние между звёздами. Между мирами. Между одиноким существом у окна и всем остальным космосом.

На столе, в луже света от дрожащего кристалла, лежала Книга. Не фолиант, а нечто большее и меньшее одновременно. Её переплёт был сшит из шкур неизвестных существ и прошит серебряными жилами, которые пульсировали тусклым светом, будто в них всё ещё текла кровь. Это была не просто книга. Это был артефакт. Наследство.

Пальцы скользнули по обложке, ощущая под кожей лёгкое, настойчивое биение — эхо древней магии, почти уснувшей. Книгу открыли не на первой странице. Её открыли в самом конце, где текст обрывался не выводом, а насильем.

Там, где должна была быть заключительная страница пророчества, зиял неровный, болезненный разрыв. Кто-то вырвал её. Не аккуратно вырезал, а выдрал с мясом, оставив на предыдущей странице бурые, засохшие пятна, похожие на кровь или ржавчину век. Обрывки пергамента по краям зазубрились, словно кричали от боли.

И над этим разрывом — последняя уцелевшая строка, выведенная почерком, который с каждым веком тускнел: «...Принесёт спокойствие и...»

И всё. Тире. Пустота. Неизвестность.

«Спокойствие и что?» — прошептали в тишину, и голос сорвался на фальцет от бессилия.

Пророчество было калеккой. Увечным, неполным, преданным. Как и тот, кто смотрел на него сейчас. Оно обещало спасение «всех», но не могло даже сохранить само себя. Какие-то другие строчки, выше, твердили старое, заезженное: «Когда звёзд желаний... пятеро избранных... родится тот...» Чепуха. Красивая, бессмысленная чепуха, призванная утешать тех, кому больше нечего ждать.

Но ждали. Каждую ночь. Не спасения мира. Мир был несправедлив.

Ждали всего одного. Простого, детского, невозможного.

Друга. Того, кто увидит не артефакт, не пророчество, не зелёный хвост или блёстки на футболке. Того, кто увидит тебя.

Слово вырвалось шёпотом и повисло в воздухе.

И тогда это случилось. Не ритуал. Капитуляция. Признание: даже искалеченное пророчество сильнее собственной воли.

Взгляд упал на рваный край страницы. На эти бурые пятна. И в них вдруг увидели не кровь, а ступившееся одиночество всех предыдущих хранителей. Оно жгло.

Веки сомкнулись. Из-под ресниц, смешиваясь со слезой ярости и отчаяния, вырвался свет. Тусклая, золотистая искра, вытянутая из самой глубины. В ней было всё: годами копившаяся тишина, боль от этого рваного края, немой крик в пустоту.

Ладони поднесли ко рту, заключая в них это трепещущее пламя, и выдохнули прямо на тёмный разрыв в Книге, словно пытаясь заполнить пустоту собой:

— Возьми.

Искра, похожая на умирающего светлячка, выпорхнула из пальцев, на миг осветив кровавый след на пергаменте, и метнулась в чёрный зев ночи. Она растворилась, поглощённая бездной.

Существо у окна обхватило себя руками, почувствовав, как вслед за искрой уходит и часть внутреннего тепла. Глупость. Магия желаний стала мифом. Ничего не...

Но почему же тогда сама Книга на столе дёрнулась? Её серебряные жилы вспыхнули на мгновение ярче. А рваный край страницы будто шевельнулся, втягивая воздух, как свежая рана.

И по спине пробежал ледяной холодок предчувствия. Не просто чувство. Знание. Где-то в космической черноте что-то дрогнуло. Повернулось. Услышало зов не только голоса, но и крови на пергаменте.

От окна отшатнулись. Раму захлопнули с таким грохотом, что кристалл на столе погас. Прислонились к стеклу, слушая бешеный стук сердца. Страх был уже другого рода. Не страх одиночества.

Страх того, что дверь, которую считали наглухо заколоченной, только что скрипнула. И что бы ни вошло в неё — будет связано не только с тобой, но и с этой древней, недописанной болью в Книге.

Глава 1

ЗВЕЗДА, ОТПУЩЕННАЯ ИЗ РУК

Там, откуда улетела искра, не было ни звука, ни времени. Был лишь холод. Абсолютный, вытягивающий всё тепло. И был дрейф.

Он не летел. Космический Мишка никогда никуда не летел. Он существовал как закон физики магических вселенных: если где-то рождается достаточно сильное, достаточно пронзительно-одинокое желание, оно начинает притягиваться к нему. Не он собирал их. Они тонули в нём, как в чёрной воде.

Его форма была лишь намёком на что-то пушистое — гигантский, полупрозрачный силуэт из космической пыли, тёмной материи и застывшего света давно умерших звёзд. Он напоминал призрак игрушки, забытой между мирами. В одной лапе — намёк на что-то, что могло быть сердцем, — клубилась туманность, вечно переливающаяся бледно-лиловым и синим.

Искра была пятой.

Она вонзилась в туманность следом за четырьмя другими: вспышкой алой ярости, кляксой зелёной зависти, колючим синим шипом страха и тусклым жёлтым пятном забвения. Пять точек, пять оттенков отчаяния. Но эта, пятая... она была иной. В её золотистом дрожащем свете чувствовалась не просто тоска. Чувствовался горьковатый медный привкус, будто она проросла сквозь что-то старое, тёмное и кровавое.

Мишка не отреагировал. Он лишь... вдохнул. Туманность сгустилась, сжалась, стала похожа на гравитационную могилу. В её центре пять искр начали неистово кружиться, сталкиваться, разрывать друг друга на кванты боли и надежды.

Это не было творением. Это был несчастный случай. Алхимическая реакция в стерильной лаборатории космоса.

Свет не вспыхнул. Он... схлопнулся.

Словно вселенная на миг подавилась, пытаясь проглотить что-то неудобоваримое.

И на месте пятицветного вихря осталось ничто. Идеально чёрная, матовая, не отражающая ни единого фотона сфера размером с детский кулак. Она не парила. Она зависла, нарушая вокруг себя само пространство — оно слегка искривлялось, стекая к ней, как вода в слив.

Это был Тот. Не ребёнок. Не существо. Пробоина. Дыра в ткани реальности, заклеенная пластырем из чужих несбывшихся желаний.

Первое, что он «почувствовал», было не «я». Это было «где?». И сразу за ним — «холодно». Вселенский, пронизывающий до самой несуществующей сердцевины холод пустоты.

Но в этой пустоте дёргалась одна ниточка. Та самая, золотая, с привкусом меди и старости. Она звала. Негромко, настойчиво, как забытая мелодия.

Тот не полетел на зов. Он начал падать в его сторону, подчиняясь простейшему закону: пустота стремится быть заполненной. Его чёрные частицы — не излучение, а следы испарения его же сути — потянулись за ним, как шлейф кометы, которая несёт не свет, а его полное отсутствие.

Космический Мишка, выполнив свою пассивную функцию, продолжил дрейфовать дальше. Он не обернулся.

Рождение состоялось. Никто его не праздновал.

Падение не было полётом. Это было затяжное, неостановимое скольжение по наклонной плоскости гравитации и той самой золотой ниточки. Земля росла в восприятии Тота не как планета, а как пятно — сперва тёмное, потом обретшее детали: завихрения облаков, синеву океанов, зелёно-коричневые шрамы материков.

Он не горел в атмосфере. Атмосфера расступалась перед ним. Воздух вокруг его чёрного тела закручивался в свистящие вихри, но сам он не нагревался. Он оставался точкой абсолютного нуля, вокруг которой конденсировалась изморозь из кристалликов льда и пыли.

И вот под ним — не город, не поле. Лес на холме. Островок дикой, забытой природы, вклинившийся в сны цивилизации. И в его чаще, почти скрытый вековыми соснами, — старый дом.

Не заброшенный. Покинутый. В спешке, с болью. Его стены, сложенные из дикого камня, ещё помнили тепло очага. Стёкла в окнах были целы, но слепы от пыли. Дом не был мёртв. Он был в коме, и его сны были густы и печальны.

Тот не видел этого. Он видел лишь магнит — место, где ниточка его рождения уходила в землю. Он направился туда.

Он не врезался в крышу. Он коснулся её.

И там, где матовая поверхность сферы встретилась с вековой черепицей, произошло не разрушение, а аннигиляция понятия "твердь". Крыша не рухнула. Она рассыпалась, превратилась в облако мелкого серого пепла, которое на мгновение задержалось в воздухе, а затем осыпалось вниз, словно песок в часовых стеклах.

Тот прошёл сквозь дом, как призрак, но призрак, несущий с собой закон пустоты. Стены, балки, остатки мебели — всё, чего он касался, теряло свою связь, свою память о форме. Дерево становилось трухой, камень — пылью, стекло — безвредным силикатным дождём. Не было грохота. Был шёпот распада, сухой, безэмоциональный шелест, будто кто-то перетирал в ладонях высохшие листья прошлой осени.

За считанные секунды от дома осталась лишь груда бесформенного серого праха, оседавшая на фундаменте. И над ней, в центре этого тихого апокалипсиса, парил Тот.

Он не понял, что сделал. В его восприятии мир просто оказался хрупким. Слишком хрупким. От этого стало ещё холоднее.

Чёрные частицы вокруг него закружились беспокойно, улавливая последние вибрации — эхо последнего смеха, прозвучавшего в этих стенах полвека назад; отзвук хлопнувшей двери; горький привкус несбывшегося обещания. Эти обрывки чужих воспоминаний толклись в воздухе, не находя места, и медленно угасали.

Тот дрогнул — первый рефлекс, похожий на содрогание. Он выплыл из облака пыли, которая всё ещё медленно садилась на землю, и остановился.

Его «взгляд» (если то, что не имеет глаз, может смотреть) упал на другое. Рядом, на солнечной поляне, цвели клумбы. Беспорядочные, дикие, но ухоженные чьей-то невидимой рукой. И в центре поляны стояло нечто, отчего в Тоте задрожала та самая золотая нить.

Алтарь. Беседка из потрескавшегося, но гордого белого мрамора. И на её макушке, поймав луч уходящего солнца, слабо, но упрямо горел большой красный кристалл. Вокруг него, как свита, располагались восемь других, меньших, тусклых, почти уснувших.

Это место было полной противоположностью дому. Оно не было хрупким. Оно было древним, тяжёлым и ждущим. И оно звало. Уже не ниточкой, а тихим, властным зовом, похожим на удар медного гонга, который чувствуешь не ушами, а костями.

Тот, оставляя за собой след из чёрных частиц и пепла уничтоженного прошлого, медленно поплыл к Алтарю.

Алтарь вблизи оказался ещё древнее и печальнее. Мрамор был испещрён сетью тонких трещин, словно кожа старика. Цветные кристаллы по бокам не сверкали — они поглощали свет короткого осеннего дня, накапливая его где-то глубоко внутри, для неизвестных целей.

Тот остановился в паре метров от каменных ступеней. Его чёрные частицы замерли в воздухе, образуя вокруг него лёгкую, тревожную дымку.

Тишина длилась ровно три удара его несуществующего сердца.

Потом красный кристалл на макушке дрогнул.

Не вспыхнул. Именно дрогнул, как зрачок спящего, увидевшего сон. Из его глубины, медленно, преодолевая сопротивление самого камня, выплыла фигура.

Сначала это была лишь тень, искажение света. Потом она обрела форму, но форму неестественную: голова, туловище, две руки, но ничего ниже пояса — только лёгкая дымка, сливающаяся с самим кристаллом. Существо было маленьким, не выше колена взрослому человеку, и выглядело так, будто его сшили наспех из лоскутов бархата, старых пуговиц и забытых снов. Его лицо было простым, почти игрушечным, но глаза — две глубокие, тёмные бусины — смотрели с безвозрастной, утомлённой мудростью.

(Хранитель Порога. ХП.)

Он не спросил, кто здесь. Он уже знал.

— Пришёл, — произнёс ХП. Его голос был негромким, безэмоциональным, как скрип качелей на пустой детской площадке. — Не по звёздной карте. По ране. Чувствую. — Его тёмные бусины-глаза уставились на Тота, и в них мелькнуло что-то вроде клинического интереса. — Из желаний слеплен. Из боли. Из разрыва. Нестабильная конструкция. Таких... давно не было. Со времён Раскола.

Тот попытался ответить. Из него вырвался лишь тихий, высокий звук, похожий на звон тонкого стекла, которое вот-вот треснет.

ХП медленно кивнул, будто это что-то объясняло.

— Голоса нет. Формы нет. Сердца... нет. — Он сделал паузу, его взгляд скользнул по тусклым боковым кристаллам. — Девять Столпов спят. Ворота на волоске. А ты — новая гиря на чашу весов. Неизвестно чью перетянешь.

Он повернулся обратно к Тоту.

— Но дверь есть. И ключ к ней — дело. Не магия Коронованных. Не сила древних. Простое дело. Руками. Или чем там ты... — ХП жестом, полным странной грации, обвёл воздух вокруг Тота, — манипулируешь.

Он повернул голову в сторону поляны, где ещё стояла серая груда праха.

— Ты вошёл в мир через разрушение. Старого, ненужного, но всё же... места силы. Там когда-то ждали того же, что и ты. Ждали и не дождались. Дисбаланс.

Тот издал ещё один звук — на этот раз более низкий, вибрирующий. В нём слышалось непонимание. Сожаление? Он не знал этих слов.

— Раскаяние не нужно, — отрезал ХП, словно прочитав колебания частиц. — Нужно уравнивание. Ты забрал память камня и дерева. Оставь что-то своё. Но у тебя ничего нет. Кроме... этого. — Он указал на цветы на клумбах, на сияющий ручей поодаль, на гладкие камни у дороги. — Возьми то, что живёт само по себе, не по приказу Коронованных. И принеси сюда. Укрась порог не для красоты. Для... уважения к хрупкости. Показать, что не придёшь, как те, из-за кого спят Столпы, — просто поглотить.

Слово «поглотить» повисло в воздухе тяжёлым, влажным комом.

Тот заколебался. Потом медленно, неуверенно, поплыл от алтаря. Его частицы потянулись за ним, оставляя в воздухе извилистый след.

Он собрал не букет. Он собрал набор смыслов:

Ветку плюща с ещё живым, цепким стеблем — символ связи, которая не рвётся.

Каплю росы в паутине, переливаясь всеми цветами радуги, — символ временности и хрупкой красоты.

Гладкий речной камень, отполированный веками течения, — символ терпения и времени.

И, наконец, один вырванный с корнем полевой цветок, его стебель ещё сочился соком — символ жертвы, которую он приносил, чтобы войти.

Он вернулся к алтарю и осторожно, почти благоговейно, оставил свои дары на первой ступени. Они не упали. Они зависли в воздухе, удерживаемые его гравитационным полем, медленно вращаясь вокруг своей оси.

ХП наблюдал молча. Его игрушечное лицо не выражало одобрения или неодобрения.

— Достаточно, — констатировал он. — Ты не понял, но почувствовал. Этого хватит, чтобы не разбудить стражей на границах. — Он поднял руку, и все девять кристаллов алтаря замерцали синхронно. Свет был неярым, не белым, а мерцающим, переливающимся, как масляная плёнка на воде. — Помни. Там, куда ты идёшь, всё ещё хрупче. И многое... голодно. Ищет, чем заполнить пустоту. Как и ты.

Пространство внутри каменной беседки заволочло. Оно не разорвалось, а истончилось, став похожим на плёнку мыльного пузыря, за которой виднелось не поле, а искажённые, незнакомые краски и силуэты.

— Шагни, — просто сказал ХП. — И постарайся не разбить их мир вдребезги. Он и так висит на волоске.

Тот, не издав больше ни звука, двинулся вперёд, в колеблющуюся пелену света. Его чёрные частицы столкнулись с переливами портала, и на миг показалось, что они поглощают этот свет, делая проход в темноту ещё чернее.

А затем он исчез.

ХП остался один, глядя на пустое место. Он повернулся к груди пепла на холме, потом к дарам на ступени.

— Пятый, — пробормотал он себе под нос голосом, в котором впервые прозвучала усталость, глубинная, космическая. — Самый опасный. Потому что просил не для себя... а от отчаяния. И в нём есть чужая кровь. Кровь Хранительницы Книги. — Он бросил взгляд в сторону, где в своём мире лежала та самая Книга с вырванной страницей. — Проснётся ли она раньше, чем он всё поглотит? Или он станет тем, кто залатает разрыв?

Он растаял обратно в красный кристалл, который на мгновение вспыхнул тревожным алым, а затем снова погрузился в дрему.

Переход был похож не на шаг, а на протискивание сквозь толщу студня из света и чужих воспоминаний. Пространство вокруг Тота сопротивлялось. Оно было плотным, вязким, пропитанным магией, которая жужжала на неслышимых частотах, словно рой разгневанных пчёл. Его чёрные частицы, обычно свободно парящие, на миг прилипли к поверхности сферы, подавленные этим давлением.

Было больно. Не физически — у него не было тела. Это была боль несходства, неприятия. Мир проверял его на прочность, на совместимость. Он ощущал, как его собственная пустота вступает в реакцию с насыщенной реальностью: где-то рядом с ним материя на мгновение испарялась, оставляя крошечные вакуумные пузырьки, которые тут же с хлопком схлопывались.

И вдруг — тишина. Давление спало.

Он был внутри.

Воздух был другим. Он был густым, сладковатым, с привкусом спелых фруктов, цветочной пыльцы и чего-то металлического, электрического. Гравитация тянула чуть иначе, заставляя его частицы перестроиться в новую, более плотную конфигурацию.

Тот «открыл» себя новому миру.

Он находился на тропинке, вымощенной гладким, тёплым камнем цвета закатного неба. По обе стороны стеной стоял лес, но это был не земной лес. Деревья были выше, стройнее, их кора переливалась перламутром, а листья отливали всеми оттенками лилового и серебра. Они тихо шелестели, и в их шорохе слышались обрывки шёпота на забытых языках.

Свет. Его было много. Он лился не с неба, где висело странное, бирюзовое солнце, а, казалось, из всего сразу — из мха под ногами, из кристаллов, вкрапленных в кору деревьев, из самого воздуха, который искрился микроскопическими пылинками света.

Это была красота. Но красота напряжённая, как натянутая струна. Красота, которая вот-вот сорвётся в фальшивую ноту

Он сделал несколько неуверенных движений вперёд. И замер.

Он почувствовал взгляд.

Пристальный, обжигающий, исходящий из густой тени папоротников справа.

Медленно он развернулся.

В щели между листьями, в крошечной темноте, пылали два узких жёлтых серпа. Глаза. Они сверлили его. В них — шок, неверие, паника... и глубинное узнавание.

Он издал вопросительный, тихий звон.

Глаза дрогнули. Раздался сдавленный, полуслезный вскрик.

И тогда тень взорвалась движением.

Не было видно фигуры — только смазанный, зелёно-фиолетовый всплеск, мелькнувший по краю его восприятия. Воздух свистнул, разрезаемый невероятной скоростью.

Тот не успел среагировать. Пространство сжалось у него за спиной.

И его обхватили.

Две руки в мягкой ткани схватили его сзади, прижав к чему-то тёплому, упругому, бешено дышащему. Объятие было стремительным, грубым, сокрушающим. В нём не было нежности — была жадная, отчаянная потребность убедиться, что это не мираж.

Тот взвыл. Высокий, пронзительный визг испуга вырвался из него. Его частицы взметнулись хаотичным вихрем. Он дёрнулся, пытаясь вырваться, но пальцы вцепились в него с неестественной, почти магической силой. Они дрожали, но не отпускали.

Он был в ловушке. В ловушке этого панического тепла, этого бешеного сердцебиения, которое билось в его матовую поверхность. От ужаса внутри него что-то ёкнуло — золотая нить дернулась, отвечая на близость.

— Тссс... — прошипел прямо над его «макушкой» срывающийся, мокрый от слёз голос. Тот самый, из ночи. — Не улетай... прошу...

Объятие сжалось ещё сильнее, почти болезненно. Чёрные частицы Тота бешено кружились в панике, смешиваясь с запахом слёз, пота и диких цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.